

079

ПОЦЕЛУЙ

ДЖОСС ВУД

Брат лучшей подруги

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Джосс Вуд

Брат лучшей подруги

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Вуд Д.

Брат лучшей подруги / Д. Вуд — «Центрполиграф»,
2014 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06208-6

У взбалмошной Роуэн Данн, занимающейся торговлей антиквариатом, все шло хорошо, пока из-за недоразумения на паспортном контроле ее не депортировали обратно в ЮАР. Застряв в аэропорту, она помнила только два телефонных номера – родителей (это точно не вариант!) и брата лучшей подруги. Ситуация патовая, но выбора нет. Надо звонить Себу Холлису с просьбой о помощи... Он оказался даже сексуальнее, чем она помнила, и это бесило ее. Не пора ли забраться в постель к врагу?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06208-6

© Вуд Д., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джосс Вуд

Брат лучшей подруги

Мне нравится, когда о моих героях можно сказать: «И жили они долго и счастливо». В реальной жизни такое тоже случается. Мои родители и свекор со свекровью в сумме прожили в браке уже 110 лет – огромное достижение и прекрасный пример преданности. Поэтому книгу я посвящаю Фрэнку с Розы и Мелу с Элси за то, что они демонстрируют нам и нашим детям, как все это делается.

Глава 1

Роуэн Данн сидела на жестком стуле в допросной Сиднейского международного аэропорта, помня о том, что нужно быть вежливой. Нет смысла связываться с маленькой вредной сотрудницей иммиграционной службы, которая будто специально напрашивалась на скандал.

– Зачем вы приехали в Австралию, мисс Данн?

Будто она не объясняла это сотрудникам иммиграционной службы. «Спокойствие, Роуэн».

– Я покупала нэцкэ на Бали.

– Что?

– Нэцкэ – миниатюрные резные фигурки, которые появились в семнадцатом веке. – Она указала на мини-статуэтки из кости, в том числе слоновой, и дерева. Боже, до чего прекрасны. Животные, люди, мифические существа. Крошечные, тонкой резьбы, живые, характерные. – Такие встречаются редко, и владелец знает, что они ценные.

– Вы купили эти фигурки и при этом не имеете ни средств, ни доходов, находясь в Австралии?

– Я опустошила свой банковский счет, выгребла все с кредиток, чтобы купить их. Некоторые, думаю, редкие. Семнадцатый – восемнадцатый век. Полагаю, одна может быть из Тамаканды, примерно 1775 год. Нужно отвезти их в Сидней и показать Грейсону Дарлингу, эксперту по нэцкэ, пусть оценит и, если повезет, купит. Тогда у меня будет много денег для того, чтобы жить в вашей драгоценной и очень милой стране.

– И сколько они стоят?

– В среднем две тысячи фунтов за каждую. У вредной сотрудницы открылся рот.

– Вы, должно быть, шутите! Мне кажется, вы сказки рассказываете. И ничем не отличаетесь от других безалаберных путешественников с одним рюкзаком за спиной.

Роуэн уже не впервые прокляла свои длинные вьющиеся непослушные волосы, миловидное личико, поношенные джинсы, обрезанную футболку и потертый рюкзак.

– Я путешествую и занимаюсь торговлей. Так в основном зарабатываю себе на жизнь. Могу показать акт купли-продажи нэцкэ.

– Что еще вы продаете, мисс Данн?

– Вы ведь досмотрели меня. Знаете, я чиста.

Она здесь уже шесть часов. Пожалуйста, давайте двигаться дальше. Ну пожалуйста!

– Что еще вы продаете, мисс Данн? «Боже! Просто ответь на вопрос и покончи с этим».

– Все легальное, на чем можно нажиться. Предметы искусства, мебель, антиквариат. Я занималась скульптурой в Буэнос-Айресе, картинами в Белизе, ювелирными украшениями в Ванкувере. Работала на стройке, когда с деньгами было не очень. И стояла за барной стойкой, когда с деньгами было совсем плохо. Но большую часть времени дешево покупаю и дорого продаю.

– Тогда почему у вас не оказалось денег на черный день? Почему не было запасного плана? Какая выгода от подобных сделок?

Справедливый вопрос.

– Большая часть средств вложена в старенький дом, который мы с подругой купили в Лондоне. Сейчас ремонтируем его, чтобы продать.

Остальное ушло на нэцкэ. Инстинкт просто кричал о том, что смеющийся Будда очень ценный, поскольку сделан известным японским мастером. Она не планировала опустошать счета, но сбить цену на фигурки не удалось. Впрочем, Роуэн знала, что может выручить за них в два-три раза больше, поэтому ей казалось это вполне приемлемым краткосрочным риском. Учитывая то, что Грейсон не стал бы пререкаться из-за цены. Он коллекционер лучшего типа,

того, что с полными карманами, которые она с удовольствием опустошит, если попадет в эту чертову страну!

– У вас не хватит средств, чтобы обеспечить двухдневное пребывание в Австралии.

– Я же говорила, у меня есть друзья. Противная сотрудница подняла руку:

– Из-за того, что у вас недостаточно средств, мы копнули глубже и выяснили: вы задержались в нашей стране по южноафриканскому паспорту на шесть месяцев после того, как истекла виза.

«Пр-р-роклетье!» Настроение пошло ко дну. Это было восемь лет назад, поэтому в Австралию Роуэн всегда въезжала по британскому паспорту. С тех пор она побывала в этой стране четыре раза, и теперь они наконец вспомнили о юношеском прегрешении.

Прощай, возможность посетить Австралию в ближайшие три года! Привет, пустой в обозримом будущем банковский счет, необходимость вести дела с Грейсоном по телефону (обоим это не нравилось) или искать другого повернутого на нэцкэ коллекционера, который хорошо заплатит, а таких не так уж и много.

– Вам запрещен въезд в Австралию на три года. Ближайшим рейсом вас депортируют в Южную Африку.

Единственное место на Земле, куда совершенно не хотелось ехать. Роуэн посмотрела вверх и шумно выдохнула.

– Проклетье. Противная сотрудница едва не улыбнулась:

– Точно.

Шестнадцать часов спустя Роуэн прошла миграционный контроль в Международном аэропорту Йоханнесбурга и, получив рюкзак, направилась к ближайшему ряду жестких скамеек. Бросив багаж на пол, рухнула на сиденье и устала на свои ступни.

И что теперь?

В отличие от других городов мира, Йоханнесбург она совсем не знала, друзей там не было. В кошельке лежали сто фунтов и тридцать долларов. На накопительных и текущих счетах почти ничего, кредитки опустошены.

«Глупая, глупая, глупая!» Она думала, что получит от продажи вдвое больше, чем потратит.

– Привет!

Роуэн подняла взгляд и увидела девушку на вид не старше двадцати лет.

– Не возражаешь, если я здесь немного посижу? А то ко мне прицепился придурок вон из той компании.

Роуэн бросила быстрый взгляд на группу мужчин, которые уже достаточно выпили, и подумала, что это одна из опасностей одиночных поездок. Сколько раз сама садилась рядом с семьей или с другим одиноким путешественником, чтобы избежать хватаний, подначиваний и заигрываний.

– Конечно, садись. Прилетаешь или улетаешь?

– Только прилетела из Сиднея. Видела тебя в самолете, ты сидела на пару рядов ближе к носу, чем я.

– А-а-а.

– Я жду ближайшего рейса до Дурбана. А ты?

– Понятия не имею, что делать. – Роуэн старалась говорить весело, хотя это не получалось. – Меня депортировали из Австралии, и я на мели.

В живых голубых глазах возник интерес.

– Серьезно? На мели?

– Совсем. – Роуэн взглянула на новую подругу. Та была свежа и полна энтузиазма. – Давно путешествуешь?

- Полгода. Сейчас домой на свадьбу к родственникам, потом снова уеду. А ты?
- Девять лет. Можно дать тебе совет? Как тебя зовут?
- Кэт.

– Кэт, что бы ни случилось, всегда имей в запасе достаточно денег, чтобы не остаться без вариантов. Всегда держи наличные на билет из любой дыры и на пару ночей в хостеле или гостинице. Поверь, оказаться на мели ужасно.

Роуэн соблазнилась идеей быстро нажиться, хотя и раньше жила по этому правилу. Думала, что просидит в Сиднее без денег максимум три дня, а потом ее банковский счет ждет значительное пополнение. Не вышло.

- Можно я дам тебе сто фунтов? – робко спросила Кэт.

Роуэн тут же распахнула глаза. На лице распустилась широкая улыбка, а в черных, как оникс, глазах вспыхнула маленькая искорка.

– Это очень мило с твоей стороны, но не надо, спасибо. Мне есть кому позвонить. Просто не хочется.

«Только посмотрите на нее, – думала она, – свежа, идеалистична. Наивна». Если быстро не наберется уличной премудрости, этот большой злобный мир просто заглотит ее и выплюнет. Путешествовать по Австралии легко, это страна первого мира, тот же язык, культура, хорошая транспортная система. Большая часть планеты совершенно на нее не похожа.

- Родители не возражают против твоих поездок? Кэт пожала плечом:

– В общем-то нет. Постановляют, когда я звоню домой и прошу денег, но все равно помогают.

Роуэн подняла брови. Счастливая девочка! Она же покинула дом при совершенно других обстоятельствах. Те шесть месяцев между арестом с крошечным пакетиком кокаина во время антинаркотического рейда в клубе и самолетом до Таиланда стали настоящим адом. Она надеялась, что блохи с тысячи верблюдов нашли прибежище в нижнем белье Джо, чертова ублюдка, подсунувшего кокаин в задний карман ее джинсов!

После двух месяцев в тюрьме ее приговорили к четырем месяцам общественных работ. К счастью, тогда ей еще не было восемнадцати, поэтому запись о правонарушении скрыли от общественности, но не от семьи, которая отреагировала не очень хорошо. Отец кричал в отчаянной злости, мать охладела и отдалилась, старший брат, плотно сжав губы, выражал неодобрение. До конца года они еженедельно читали лекции, чтобы направить ее на путь истинный, устроили домашний арест после реальной тюрьмы. Их чрезмерная забота переросла в гиперопеку. За всеми перемещениями Роуэн следили, и чем больше было лекций и давления, тем сильнее хотелось бунтовать, крепко решив сбежать из дома.

Она пыталась объяснить, но только лучшая подруга Калли понимала, как ей больно из-за того, что правдивую историю о подставе приняли за ложь. И Роуэн решила стать отвязанной тусовщицей. Побег, вечеринки, сигареты, в ход шло все, что соответствовало обвинениям родителей, особенно матери. А еще она планировала уход из дома.

Это случилось на следующий день после последнего школьного экзамена. Каждый год, с самого рождения Роуэн, бабушка покупала ей в подарок на день рождения доли в паевых трастах. На деньги от продажи этих долей Роуэн приобрела билет до Таиланда.

Все, кроме Калли, были в ярости, думали, она испугается трудностей, подожмет хвост и прибежит домой. Да, первый год было непросто, одиноко, иногда откровенно жутко, но она справилась. И к ней пришел успех.

Теперь без денег, после депортации, возвращаться домой, поджав хвост, не хотелось. Это означало потерять свободу и осесть в родительском доме таким отпрыском-неудачником. Отсутствие денег и активы не имели значения, в глазах родных она все равно безответственная и глупая, запутавшийся растерянный подросток.

- Кому собираешься звонить? – прервала Кэт размышления Роуэн.

– У меня два варианта. Батарейка в мобильнике села, а все номера там. Наизусть знаю только телефон родителей и лучшей подруги Калли.

– Голосую за лучшую подругу.

– И я бы поступила так же, только она здесь больше не живет. Здесь остался ее старший брат, а он меня недолюбливает.

Кэт с любопытством подалась вперед:

– Почему?

– Ну, мы с Себом никогда не могли найти точек соприкосновения. Он консервативен, все продумывает, а я ветреная и взбалмошная. Он очень богат, а у меня временные финансовые трудности.

– А чем он занимается?

– У его семьи огромное количество недвижимости в Кейптауне, и он ею управляет. А еще занимается компьютерами, что-то там с ними очень сложное. У него компания, которая обеспечивает интернет-безопасность. Он – красивая шляпа. Нет, не то.

Кэт вдруг выпрямилась:

– Ты хочешь сказать – белая шляпа? Хакер?¹

– Точно! И, по всей видимости, один из лучших в мире.

– Святая макрель! Вот это круто! Я сама немного повернута на компьютерах!

– Вот и он тоже. Совершеннейший гик, мы с ним все время враждовали. Он учился по книгам, а я на улице. И ему здорово от меня доставалось.

– Почему?

– Наверное, я никогда не могла добиться его внимания. Взглянет, покачает головой, скажет, как я достала, и покажет средний палец. И чем хуже я себя вела, тем меньше внимания он на меня обращал. – Роуэн намотала черную кудряшку на указательный палец.

– Похоже, тебе ужасно не хватало его внимания.

– Милая, мне не доставало внимания от всех. В общем, ты умерла бы со скуки, если бы я стала вспоминать обо всех ссорах с Себом. – Роуэн улыбнулась. – Ладно, пусть это будет тебе уроком, Кэт. Итак, запомни, у тебя должна быть записка наличными. Делай как я говорю.

– Удачи, – пожелала Кэт.

Роуэн помахала в ответ. Удача ей однозначно понадобится.

Себ Холлис резко сел на кровати, откинул в сторону простыни и стеганое одеяло, не в силах выносить прикосновение смятой ткани к коже. Он переживал фрагменты ночного кошмара, задержавшегося на периферии памяти, но, как ни старался, не мог убедить себя в том, что дрожит от холодного воздуха. Вот уже шесть дней ему снился один и тот же сон. Его, связанного по рукам и ногам, обездвиженного, задыхающегося, кидали к алтарю и заставляли жениться.

«Слава богу, это только сон», – первая мысль после пробуждения.

Он потер шею. Взмок, как гейзер, во рту сухо, как в пустыне Калахари. Поморщившись, на ощупь стал искать стакан с водой на прикроватном столике. По привычке повернул голову, ожидая увидеть лицо своей девушки на соседней подушке. Вспомнил, что Дженна уехала в Дубай, и с облегчением осознал, что снова свободен. Не нужно объяснять ночной кошмар, видеть, как ее лицо искажает боль. Несмотря на карьеру, Дженна, как и большинство женщин, имела потребность утешать. А у него не было желания слушать кудахтанье над собой.

¹ Хакеров условно делят на две группы: белая шляпа (*англ.* white hat) и черная шляпа (*англ.* black hat). Первые специалисты по информационной безопасности, исследующие уязвимость IT-систем, вторые – киберпреступники. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

К тому же обсуждать сны, эмоции, мысли, желания совсем не здорово. Этого не будет. Никогда.

Он спустил ноги с огромной кровати и натянул беговые шорты, распахнул дверь на балкон и вдохнул соленый аромат позднего лета, ли ранней осени? Первые краски нового утра разливались над деревьями, окаймлявшими его имение Авельфор.

Себ мог бы обосноваться где угодно, но ему нравилось жить неподалеку от Кейптауна, на самом краю континента, в местечке, угнездившемся между двумя горами и морем. Вдалеке, за огромными волнами, свойственными этой части западного побережья, простиралась суровая серо-зеленая ледяная Атлантика, гнетущая, беспокойная, переменчивая. Хотя, может, он просто переносил свое отвратительное настроение на еще не проснувшееся море.

Дженна. С ней связаны безумные сны о свадьбе. Не потому ли, что он рад распрощаться с ней? Вырваться из отношений, которые, Себ знал, катились в никуда, а она возлагала на них надежды? Он часто и, как мог вежливо, говорил, что не свяжет себя обязательствами, однако она надеялась, что он передумает, попросит ее не уезжать из страны. Казалось, не имело значения, что они договаривались об отношениях без обязательств, поскольку Себ признался, что не способен на это. Вроде бы она понимала.

Женщины! Боже! Иногда они слышат только то, что хотят слышать.

Себ склонил голову, когда тишину раннего утра разбило уверенное и гулкое рычание «ягуара», свернувшего на подъездную дорожку Авельфора. «Ну вот, опять», – подумал он. Двигатель смолк, хлопнула дверца, и через несколько минут на дорожке появился отец.

То, что проблемы с женщинами не у одного Холлиса, утешало слабо. По крайней мере, его трудности только у него в голове. «Я снова одинок», – напомнил он себе. И это плюс.

– Снова повержен в прах? – спросил сын.

Отец резко поднял голову, бросил сумку на дорожку и хлопнул себя по бедрам:

– И когда я только усвою урок?

– Понятия не имею. Что не так с этой?

– Она хочет ребенка, – грустно отозвался Пэтч Холлис. – Мне шестьдесят, к чему сейчас ребенок?

– Мужик, ей двадцать восемь лет! Конечно, она должна была захотеть ребенка! Ты сказал ей, что сделал вазектомию?

Отец жестом указал на сумку:

– Потому-то я и вернулся. Она просто с катушек слетела!

– Э-э-эм. А зачем было уходить? Это твой дом, и ты не женат. – Себ прищурился, когда ему в голову пришла ужасная мысль. – Ты же не женился на ней потихоньку?

Пэтч отвел взгляд:

– Нет, но был близок к этому. Сын взъерошил волосы и тихо выругался.

– Не ругай меня. Ты ведь тоже чуть не женился на своей золотоискательнице, – парировал Пэтч.

Себ признавал справедливость укола.

Вообще говоря, он был огорчен, когда в ответ на предложение подписать добрачный контракт его невеста Бронвин отказалась. К брачному контракту, как, впрочем, и ко всему, Себ подошел с умом, рационально. Это у него компания, дом, деньги и прочие материальные ценности. И это ему в случае развода предстояло отдать половину. Бронвин этого не понимала. Он ее любит, а значит, поделится с ней всем. Да, он любил Бронвин, хотя и недостаточно сильно, чтобы в случае развода выплачивать ей половину стоимости дома, который принадлежит четырем поколениям его семьи.

Они оба уперлись. Разрыв был болезненным.

Прошло несколько лет, прежде чем Себ почти сумел с этим разобраться. Он считал, что проблемы, в том числе и личные провалы, надо обдумывать, чтобы лучше понимать причины и последствия.

Скорее всего, Себ влюбился в Бронвин, потому что она, по крайней мере, поведением и характером отдаленно напоминала его мать. Ветреное дитя, порхавшее от работы к работе, от города к городу, вольный дух, которой он хотел, нет, должен был обуздать. С тех пор как мать отправилась путешествовать по свету, когда Себу исполнилось двенадцать, он оставил надежду заслужить ее любовь или одобрение и перестал ждать, что она вернется навсегда. И он думал, если сможет заставить Бронвин остепениться, привязаться к нему, это заполнит пустоту, которая осталась после отъезда матери.

«Ну да, как же».

Тем не менее Себ вынес пару уроков из неудавшейся помолвки, проанализировал и оценил отношения и чувства. Он однозначно не понимает женщин и теперь предпочитает в отношениях эмоциональную дистанцию. Скажем так, секс и немного разговоров, без риска попасть впросак или испытать боль. К тому же подобные отношения не требовали от него многого. Когда мать его покинула, он выковал эмоциональные доспехи и закалил их в отношениях с Бронвин. Это его устраивало.

Отец Себа, настоящий Питер Пэн, вообще ничего не усложнял. Блондинки, длинные ноги, большая грудь. Постельные навыки – обязательное условие, ум – нет.

– Так можно я тут поживу, пока она не съедет?

– Папа, Авельфор юридически до сих пор принадлежит тебе. Только должен предупредить, Ясмин в отпуске уже примерно неделю и я уже съел все самое вкусное из того, что она оставила.

Пэтч, казалось, расстроился:

– Значит, никаких черничных кексов на завтрак?

– Лучшее, что ты можешь получить, – это кофе. Стирать и заправлять постель тоже некому.

Отец выглядел опустошенным. Себ знал, дело не в том, что он не смог утешить его, а в отсутствии их верной пожилой подруги, морального компаса, верного помощника. Ясмин не просто домработница, она воплощение Авельфора.

– Плохо, что Яс нет. – Пэтч зевнул. – Я в кровать. У Миранды голос как туманный горн, я всю ночь не спал от ее ора.

Себ повернул голову на звонок городского телефона:

– Сумасшедшее утро. Отец появился на рассвете, телефон звонит, когда еще и шести нет.

А я просто хочу кофе.

Пэтч улыбнулся:

– А я просто хочу обратно мой дом. Себ тоже улыбнулся:

– Тогда выгони эту скандалистку. Пэтч поежился:

– Я поживу здесь, пока она не успокоится.

«У отца жуткая аллергия на ссоры», – подумал сын.

– Себ, это Роуэн. Роуэн Данн.

Себ узнал ее голос, как только услышал свое имя, и утратил дар речи. «Роуэн? Какого...»

– Себ? Я тебя разбудила? Извини.

– Роуэн, как неожиданно.

– Я в Йоханнесбурге, в аэропорту.

Себ отбросил любопытство и смирился с неизбежностью.

– Что-то случилось?

– Почему ты всегда сразу предполагаешь худшее?

– Ну, должно же случиться нечто из ряда вон, раз ты в стране, которую ненавидишь, где живет семья, с которой ты не общалась много лет, и звонишь мне, хотя когда-то сказала, что я фурункул на заднице человечества. – Себ переждал напряженную тишину.

– Я на мели и без крыши над головой. А еще меня депортировали из Австралии, – неохотно призналась Роуэн.

Вот оно что.

– У тебя проблемы? – Он старался говорить спокойно. Задолго до того, как она уехала, слово «проблема» стало ее вторым именем. Скорее даже первым.

– Нет, все хорошо. Просто они выяснили, что много лет назад я находилась в стране дольше положенного, и выставили меня.

По сравнению с тем, что она раньше выкидывала, это небольшое правонарушение. Себ вошел в гардеробную, снял с вешалки джинсы, натянул их. Прижал кулак ко лбу и уставился в пол.

– Себ, ты там?

– Ага.

– Не знаешь, где мои родители? Я звонила им, но никто не ответил.

– Они уехали в Лондон и на время своего отсутствия сдали дом заезжим исследователям из Пекина. А вернуться должны недели через две-три.

– Ты меня разыгрываешь! Мои родители укатили за моря, и мир не остановился? Как такое вообще возможно?

– Сам удивлен.

– А Калли все еще в шопинг-туре?

– Ага. Еще одна долгая пауза.

– Тогда конец. Остаешься только ты. Сделай мне одолжение.

Он? Себ посмотрел на часы и удивился, что они еще тикают. Почему время не остановилось и монашки не катаются в аду на коньках, раз уж Роуэн просит о помощи его.

– Я думал, ты скорее закапаешь в глаза расплавленный воск, чем снова попросишь меня о чем-нибудь.

– Ты меня в чем-то обвиняешь? Ты ведь мог заплатить залог, чтобы меня выпустили из тюрьмы, сволочь!

Ну вот оно, здрасте! Прежний тон голоса, доводивший его в юности, дерзкий, с издевкой. Как ногтями по школьной доске.

– Твои родители не хотели этого. Пытались преподать тебе урок. И еще хочу заметить, что обзывать не самый лучший способ заставить меня что-нибудь для тебя сделать. А, Роуэн?

Себ услышал, как она выругалась, и улыбнулся. О, ему так нравится, что Роуэн зависит от его милосердия.

– Чего ты хочешь, надоеда?

Надоедой он называл ее в детстве. Блондинка Калли прозвала ее черной красавицей, сокращенно ЧК. У Роуэн волосы темные, как вороново крыло, темные глаза и нежнейшая белоснежная кожа. Она сногшибательно красива и, казалось, с самого рождения умела пользоваться своей внешностью. К несчастью, к этому прилагался характер бешеного барсука. Определение «надоеда» подходит ей куда больше и ужасно ее бесит. Приятный бонус.

– Когда вернется Калли?

Себ знал, почему Роуэн спросила об этом. Она лучше будет грызть ногти, чем примет помощь от него. Но его сестра часто и подолгу путешествовала, закупая продукцию для модного магазина.

– В конце месяца.

Снова ругательство.

– Зато твой брат Питер все еще в Бахрейне, – язвительно добавил Себ и снял с вешалки рубашку.

– Знаю. Я не настолько отдалилась от семьи! – Она повелась. – Хотя понятия не имела, что родители планировали уехать. Они никогда не путешествуют.

– Они решили все довольно быстро. – Себ вернулся в спальню и устался на черно-белые пейзажи с видами пустыни, висевшие над смятой кроватью. – Ну так как? Теперь, когда точно знаешь, что, кроме меня, надеяться не на кого, ты расскажешь, в чем дело?

Роуэн глубоко вздохнула:

– Мне нужно вернуться в Лондон, и я подумала, не одолжишь ли ты...

«Когда рак на горе свистнет».

– Нет, я не дам тебе денег.

– Тогда купи билет.

– Дай-ка подумать секундочку. М-м-м. Нет, билет до Лондона тоже не куплю.

– Ты садистский придурок!

– Зато куплю билет до Кейптауна, чтобы твоя костлявая задница оказалась дома.

На фоне шума аэропорта Себ услышал вздох разочарования.

– Я не могу.

Что? Она признала вину и разбита? Он думал, что не доживет до этого. Роуэн вернулась, позвонила ему. И говорит вполне разумно. Боже милостивый!

Себ знал, долго это не продлится, и они, проведя вместе десять минут, захотят убить друг друга. Они как вода и масло, как солнце и снег, как огонь и лед.

Он инстинктивно взглянул на окно и увидел, как его спокойная, размеренная, упорядоченная жизнь, злорадно показав средний палец и помахав на прощание, выбросилась из окна.

Вольные души. Ну почему они его изводят?

– Принимай решение, Эн.

Роуэн проигнорировала сокращение прозвища, верный знак того, что спорить больше не в состоянии.

– Мобильник сдох, у меня около сотни фунтов и ни одного знакомого в Йоханнесбурге. Пожалуй, я закину свою задницу в самолет до дом... до Кейптауна.

– Отлично. Подожди секундочку. – Себ подошел к ноутбуку посмотреть расписание. – Первый рейс, на который я могу достать билет, в шесть вечера. Билет заберешь на стойке Южно-Африканских авиалиний. Я встречу тебя в баре аэропорта.

– Себ?

– Да?

– Наша последняя ссора из-за Бронвин...

Он не сразу понял, о чем речь, но потом вспомнил ее глупую ребяческую выходку десятилетней давности.

– Когда ты советовала, что мне делать и как жить?

– Ну... Я собиралась извиниться.

– Впервые.

– Сам знаешь, куда это засунуть! Ты тоже высказался, что мне делать с моей жизнью! Я, может, и озвучила несколько комментариев насчет твоей девушки, но не бросала друзей гнить в тюрьме! – возразила Роуэн на повышенных тонах.

– Мы никогда не были друзьями, к тому же ты, черт побери, это заслужила!

– Все равно это было подло и...

Себ закатил глаза и издал звук, который, хотелось надеяться, походил на помехи на линии.

– Извини, связь прерывается.

– Это городской телефон, придурок! – прокричала Роуэн, заглушая Себа. Умная девочка. Он бросил трубку на рычаг. Всегда была умной. И вздорной.

Похоже, называть ее надоедой по-прежнему уместно. Некоторые вещи не меняются.

Глава 2

Шесть часов спустя другой аэропорт, другой город и новая череда формальностей. Роуэн вымоталась до предела. Потная, раздраженная. Черт побери! Она ударила себя кулаком в грудь, потому что нервничала. И была до смерти напугана. Могло быть и хуже. Она опустилась на стул в баре, бросив рюкзак к ногам. Себ – меньшее из двух зол, и здорово, что родители не ответили на звонок. Неизвестно, как бы они отреагировали на ее возвращение домой. Они никогда ничего не говорили про возвращение, только ворчали по поводу ее плохого образования. Они, может, и обрадовались бы, увидев ее, но на следующий день уже смотрели бы с раздражением, озадаченные ее решениями и образом жизни, который она выбрала. «Так не похожа на брата, – будет бормотать мама. – Всегда летает слишком близко к солнцу. Будто ее нам эльфы подкинули. Бунтарка, всегда пытается вырваться и убежать». Может, если бы они не обкладывали ее ватой и не душили в одеяле защиты, она выросла бы более нормальной. Спокойнее относилась бы к жизни на одном месте, заводила продолжительные отношения, а не на один сезон, обзавелась мебелью.

Роуэн признавала, она принесла родителям немало горя. В младенчестве ее постоянно мучили колики, малышом она была адским, а в четыре года подхватила менингит и две недели провела в палате интенсивной терапии, борясь за жизнь. После этого семья опасалась, что с ней снова случится что-то плохое, и это обстоятельство не давало ей исследовать жизнь. Родители и старший брат зависли над ней, как группа ударных вертолетов, и постоянно изучали окружающую среду в поисках опасности. Роуэн всегда ощущала себя защищенной и никогда – любимой. Может, жизнь пошла бы иначе, если бы она чувствовала, что ею дорожат, ее любят, она не чужая?

Не помогало делу и то, что она вспыльчивая личность в семье тихих умных интровертов. Два профессора (музыки и теоретических наук), брат кандидат наук в области электротехники. Роуэн же отказалась от университета, чтобы путешествовать. В семье Данн это считалось непростительным грехом. Гиперопека утомляла в десять, раздражала в четырнадцать и выводила из себя в шестнадцать. В семнадцать стала невыносимой. Когда Роуэн исполнилось восемнадцать, она принялась пинаться и кричать в шелковом коконе паранойи родителей, которые удерживали ее в плену.

После выходных, проведенных в тюрьме, она поняла: чтобы сохранить отношения с семьей, нужно сбежать как можно дальше, чем скорее, тем лучше. Роуэн не могла быть послушной и тихой умницей-дочкой, а семья не приняла ее мощный дух авантюризма.

Побег, как ни странно, спас отношения с родителями. С помощью электронной почты, социальных сетей и редких коротких телефонных звонков удалось найти баланс, который всех устраивал. Родители делали вид, что Роуэн не мотается по всему свету, а она – что они поддерживают ее желание сделать больше, увидеть больше, пережить больше. Все лгали самим себе, но так легче.

Но теперь Роуэн вернулась, и родители больше не могли лгать, а она – притворяться. Они должны принять друг друга такими, какими были на самом деле. Это будет хуже гнилых лимонов.

У нее две или три недели, чтобы настроиться на встречу с семьей, подготовиться к вечному разочарованию. Две недели, чтобы найти жилье и работу, которая обеспечит овсянкой и кофе и позволит заработать достаточно денег на то время, пока она не продаст нэцкэ.

Нужно только разобраться с Себом, с которым у нее никогда не складывалось нормальное общение. Он не реагировал на ее шарм, насквозь видел ее ложь и ни секунды не доверял. По счастью, он слишком умен.

В голове возник образ Себа, каким она запомнила его. Высокий, с кудрявыми светлыми волосами, которые он собирал в хвост кожаным шнурком, темно-синие глаза и дурацкая маленькая бородка.

Себ кружил головы девушкам. Что-то в нем всегда привлекало женское внимание. И дело не только во внешности. Роуэн нехотя признавала, что он на редкость привлекательный сукин сын. Но сразу видно, предпочитает общество самого себя, а это всегда заставляло женщин истекать слюной.

«Поживите с ним по соседству, посмотрим, как тогда будете к нему относиться! – всегда хотелось прокричать Роуэн. – Он заносчивый и грубый, любит командовать и относится ко всем покровительственно, мне постоянно хочется ткнуть в него палкой».

Она закинула ногу на ногу и повернула голову на звук грудного мужского смеха. Позади нее неровным кругом стояла группа парней, самый симпатичный излучал уверенность. Роуэн поймала его взгляд.

«М-м-м. Милый».

– Привет, – сказал симпатяга, заигрывая. – Недавно в городе?

«Я усталая, потная и злая. И, кажется, для тебя старовата».

– Вроде того. Симпатяга перевел взгляд с нее на официанта:

– Можно угостить тебя напитком? Чего тебе хочется?

«Сотня фунтов мне бы пригодилась, – подумала Роуэн. – А еще лучше две».

– Спасибо. Бокал белого сухого вина.

А почему бы и нет? Если кто-то хочет угостить ее, она возражать не станет. К тому же ей сейчас нужны тонизирующие силы ферментированного виноградного сока.

Парень сделал заказ. Когда Роуэн снова взглянула на нового знакомого, увидела, что он не такой уж юный и не столь дерзкий. Высокий, темноволосый, привлекательный. Себа ждать скучно, почему бы не пофлиртовать? Ничто так быстро не поднимает девушке настроение, как болтовня с мужчиной, в глазах которого светится симпатия. Словом, флирт – отличный способ провести время.

Она провела рукой по волосам и взглянула на багаж у ног компании:

– Спортивная поездка? Гм. Дайте угадаю. Регби? Турнир регбийных семерок среди юниоров?

– А-а-а. Это они юниоры, мне больше двадцати одного.

Роуэн медленно улыбнулась:

– И мне тоже. Я Роуэн.

Она уже собиралась пожать симпатяге руку, как вдруг за спиной раздалось:

– Не пора ли использовать твои чары во благо, а не во зло?

Услышав это, Роуэн закрыла глаза. В голове возникли слова, которые не следовало проносить вслух. Понимая, что вечно сидеть с закрытыми глазами нельзя, она глубоко вздохнула и медленно обернулась.

Себ стоял позади нее, прислонившись к каменной колонне. Синие глаза смотрели холодно. Подбородок был покрыт золотистой щетиной, губы вытянулись в тонкую, как лезвие ножа, линию. Это то, что не изменилось.

Роуэн прищурилась. Высокий, светловолосый, хорошо сложенный. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги. Одна большая глыба мускулов. Уголки его рта слегка приподнялись вверх, она почувствовала соблазнительный трепет в низу живота. О боже! Это желание? Быть того не может. Безумие какое-то. Просто у нее было долгое путешествие, она почти ничего не ела, немного кружилась голова. Просто жизнь ей мстила.

Мистер Симпатяга был забыт, едва Роуэн взглянула на Себа. Она знала немало привлекательных мужчин и даже несколько сногсшибательно прекрасных, но желание в чистом виде

раньше не накатывало. Это потому сердце так быстро гонит кровь по телу? Во рту пересохло? О боже! Сердце вдруг забилося с бешеной скоростью.

Роуэн откинула длинный локон, не готовая встретить взгляд Себа, и уставилась на его широкие плечи. Глаза медленно скользили по полинявшим джинсам к дорогим кроссовкам. Как жалко вспыхнуть и распалиться из-за человека, который ей даже никогда не нравился!

О-го-го, парень! Неужели татуировка? Выглядывает из-под футболки? На бицепсе правой руки? Да ладно! У консерватора Себа? У гика Себа?

Только вот гика сменил Себ-красавец, из-за которого Роуэн думала о прохладных простынях и разгоряченной мужской коже под своими ладонями. Из-за этого Себа она думала о полных страсти ночах и бешеном дневном сексе. О желании, жаре и влечении.

Мысли со скоростью света неслись в голове. Роуэн искала объяснение своей странной реакции. Решила, что просто давно не испытывала оргазма. У нее не было секса уже слишком долго! Понятно. Если проблема в этом, несомненно, в этом, помнится, есть маленький незаметный магазинчик, который поможет все исправить.

Только вот она на мели. На мели и возбуждена. Жалкое сочетание!

Себ засунул руки в карманы джинсов:

– Надоеда. Его голос обволакивал, по ее телу бежали мурашки. Ну да, заносчивый дьявол, которого она помнила.

Прячется в соблазнительном мужском теле, которое – о боже! – выглядит и пахнет прекрасно. Он в бездонных глазах и вибрациях голоса. В неглубокой ямочке на щеке. Во взрослой версии занудного серьезного мальчика, который в разные периоды жизни терпел, мучил и ненавидел Роуэн. И всегда бесил.

– У меня есть имя, Себ. У него хватило наглости ослабиться в ответ.

– Ну да, но ты знаешь, мне больше нравится такой вариант. – Себ посмотрел на мистера Симпатягу, по-акульки улыбаясь. – Повезло тебе, приятель. Она как неоновая вывеска «Проблемы» высотой метр восемьдесят.

Парень-регбист отвернулся с разочарованным вздохом. Себ мысленно положил руки на бедра и сделал несколько глубоких, очищающих, успокаивающих вздохов. Казалось, его сердце вот-вот выпрыгнет из груди, а желудок и селезенка сами по себе отправятся на конную прогулку.

Н-да, разве это не настоящий удар в голову? Неужели это Роуэн? Что случилось с художавым подростком с серебряным колечком в брови и гвоздиком в носу? Где одежда, как говорила Роуэн, в стиле бохошик, на самом деле выглядевшая так, будто ее купили на аллее транзвеститов? Где юбки немногим длиннее набедренной повязки, где тяжелые ботинки по колено, где готический макияж?

Теперь кожаные ботинки выглядывали из-под отлично сидящих синих джинсов. На Роуэн была простая белая рубашка с расстегнутыми нижними пуговицами, открывая широкий кожаный пояс, в распахнутом вороте виднелось оригинальное ожерелье из кожи и синего бисера. Волосы, по-прежнему иссиня-черные, естественными локонами спадают на спину. Глаза, темные, как африканская ночь, слегка отливают синевой. Макияжа не было, в восхитительных глазах, обрамленных темными ресницами, светились эмоции, непонятные Себу. Смирение? Волнение и страх?

Роуэн встряхнула головой, и Себ увидел, как в ее взгляде вспыхнула гордость. Вот она, Роуэн, которую он помнил. Он отогнал предчувствие того, что эта миниатюрная темноволосая фея с прекрасными глазами и пухлыми живыми губами, которые так и просили поцелуев, повлияет на его жизнь.

Себ прощался с ребенком, эта Роуэн была настоящей женщиной. Женщиной, которую, не будь она Роуэн, он попытался бы уложить в постель. Немедленно. Вот прямо схватил бы за руку, нашел ближайшую комнату и бросил на кровать, на стул, на пол, что окажется ближе.

Внутренний пещерный человек Себа бил себя в грудь кулаками: «Посмотри сюда, милая! Я бог секса!» Ему было стыдно за самого себя. «Соберись, парень!»

Он надеялся, что его лицо ничего не выражает, и, мысленно закинув голову назад, отправил во Вселенную поток беззвучных ругательств: «Когда я спрашивал, что еще может пойти не так, это была просто фигура речи, а не просьба стукнуть меня сильнее».

Роуэн нарушила неловкое молчание:

– Да. Давно не виделись. Хорошо выглядишь.

– Ты тоже. «Хорошо? Скажи лучше – великолепно!»

– Откуда прилетела?

Вопрос из вежливости? Ну и ну! Они никогда не общались цивилизованно, теперь ему интересно, как долго это продлится.

– Из Сиднея. Кошмарный перелет. Позади меня постоянно орал грудничок, впереди сидел маленький ребенок с синдромом дефицита внимания. А мужчина на соседнем сиденье постоянно чихал.

– Одно слово, бизнес-класс. Роуэн поддразнила:

– Словом, на мели. – Она провела рукой по волосам и откинула пару прядей. – Может, все-таки передумаешь и одолжишь мне денег, чтобы я могла вернуться в Лондон?

Вопрос повис в тишине. Тридцать секунд от вежливости до раздражения. Пожалуй, рекорд.

– Ну так что? Одолжишь?

«Ну конечно! После того как разберусь с изменениями климата и установлю мир во всем мире».

– Ни за что.

Роуэн разочарованно постучала пальцем по столу и в конце концов поникла, признавая поражение.

– Батарейка в мобильнике сдохла, у меня меньше двухсот фунтов, лучшей подруги нет в стране, родители уехали, их дом занят. Я в твоих руках.

В его руках? Он бы не отказался. Их взгляды встретились, вспыхнуло сексуальное притяжение. Горячее, мощное. Боже! Откуда все это?

Румянец залил скулы Роуэн.

– В смысле, я в твоей власти.

Звучит еще лучше. Да что со мной такое? Что заставило взвыть их сексуальные сирены? «Пора их приглушить, приятель, начинай действовать как взрослый». Себ вылил остатки вина в бокал Роуэн и выбросил крошечную бутылочку. «Думай головой». Не важно, что она выглядит соблазнительно и ему хочется попробовать на вкус ее манящие губы. Это Роуэн. То есть проблемы.

Себ засунул руки в задние карманы джинсов:

– Готова ехать?

– Куда? Где я сегодня буду ночевать?

– В Авельфоре.

Авельфор. «Морской бриз» на валлийском. Одно из маленьких имений между прибрежными деревнями Скарборо и Мисти-Клифс почти у самого национального парка «Столовая Гора». Ее второй дом.

Изначально это было помещение школы, а потом несколько поколений его перестраивало. Самая старая часть состояла из дерева и красного кирпича. Роуэн до сих пор помнила

приятное тепло пола из оregonской сосны. Почти в каждой комнате камин, почти отовсюду вид на Атлантику с огромными бегущими волнами и белыми пляжами, заполненными чайками.

Роуэн выросла по соседству, в доме, который, поговаривали, один из прежних Холлисов построил для своей обожаемой любовницы. В сороковых дедушка Роуэн купил его, отделил от дома Холлисов огромным дубом и густой высокой живой изгородью из мирта.

Роуэн ориентировалась в Авельфоре так же хорошо, как в собственном доме, знала, какая половица скрипнет, если наступить на нее посреди ночи, водосточная труба, проходившая у окна Калли, выдержит вес их обоих, а домработница Ясмин прячет свои сигареты в жестянке с мукой в глубине кладовки. Большую часть жизни у Роуэн было два дома, потом ни одного. Теперь в зависимости от количества денег она металась по отелам и хостелам. Раз или два ночевала на пляжах и вокзальных скамейках. Даже стоя.

Перед глазами заплескали точки. Устала. Как же она устала.

Роуэн быстро заморгала, точки становились больше и ярче, зрение затуманивалось. Она потянулась к Себу, и уверенные прохладные пальцы сжали ее руку.

– Что с тобой? – спросил Себ, когда она снова неожиданно села.

– Голова кружится. Слишком резко встала.

Роуэн открыла глаза, пол приближался и отступал. Она снова их закрыла.

– Легче, Ро. Себ склонился перед ней и показал три пальца:

– Сколько?

– Шесть тысяч пятьдесят два.

Он прищурился. Она закусила нижнюю губу и, игнорируя трепет в низу живота, попыталась вести себя как взрослый человек.

– Извини. Я в порядке. Просто устала. И не ела толком. Не следовало мне пить вино. – Она потерла глаза. – Последние несколько дней были просто ужасными.

Себ отпустил ее руку, встал, отведя взгляд от стройных бедер, непослушных волос и глубоких-глубоких глаз. Роуэн всегда была великолепна (разве друзья не говорили ему об этом?), но он впервые увидел в ней не просто подругу сестры. Чувство неприятное и странное.

Взгляд скользнул ниже. Полная грудь под белой рубашкой, длинные пальцы, просто созданные для того, чтобы ласкать мужскую кожу, длинные ноги, которые могли обхватить мужские бедра.

«Это Роуэн», – резко напомнил себе Себ. Нельзя считать ее привлекательной. Он знает ее давно и слишком хорошо. Ее взгляд словно удар кулаком в живот. Глаза, восхитительно темные, как полночь, смущали, раздражали и очаровывали. Себ был типичным подростком, когда они встретились впервые; тогда маленькие девочки классными не казались, однако глаза Роуэн его поразили. Он даже подумал, что это единственная положительная черта вздорной девчонки.

Ее лицо теперь стало худее, бедра округлились, волосы отросли до середины спины. Себ представил, как перебирает их, входя в нее. Помотал головой. Напомнил себе, что они друг другу не нравились и у них слишком много общих воспоминаний, зачастую негативных.

«Ты совсем с ума сошел?»

– Давай отвезем тебя домой. А поспорить сможем потом, когда ты восстановишь силы. – Он наклонился и одной рукой легко поднял ее рюкзак, а другой большую сумку. – Готова идти?

Роуэн встала и надела сумку через плечо:

– Ага.

Себ ненадолго закрыл глаза. Очень велик был соблазн бросить вещи и прижаться губами к ее губам.

– В чем опять дело? – едко спросила она.

Себ взглянул на потолок, перевел печальный взгляд на ее лицо:

– Никак не могу перестать думать о том, насколько все было бы проще, держись ты от меня подальше.

– Одолжи мне денег, и я исчезну.

– Я мог бы...

Она задержала дыхание, взгляд Себа стал решительным, лицо напряглось.

– Нет. Не в этот раз, Ро. Ты не убежишь.

Глава 3

Роуэн сидела на пассажирском сиденье «ауди-кватро», а Себ гнал по шоссе в сторону Кейптауна. Хотя было уже почти восемь, солнце только начинало садиться, шоссе было полно таксистов, которые перестраивались из ряда в ряд на расстоянии нескольких сантиметров от других машин и скалили зубы другим водителям, прижимая к уху телефон.

Движение в Кейптауне убийственное в любое время дня. И все из-за огромной горы в центре города. По крайней мере, так считал Себ. Он посмотрел на часы. Они ехали уже пятнадцать минут, и ни один из них не попытался завязать разговор. До Авельфора оставалось еще полчаса, молчание начинало тяготить.

Себ притормозил и выругался, потому что движение сначала замедлилось, а потом и совсем остановилось. Пробка и затянувшееся молчание. Даже в лучших ситуациях отвлеченная болтовня не давалась Себу, а обсуждать погоду, книги, фильмы или музыку с Роуэн и вовсе казалось глупым.

Однако Роуэн впервые за десять лет оказалась в одном часовом поясе со своими родителями, и Себ считал, что должен удержать ее в стране до тех пор, пока у них не появится возможность встретиться с ней и обнять ее. Как и они, Себ не выставлял эмоции напоказ, но знал, что они скучают по ней и хотят, чтобы она вернулась. Он сочувствовал им. Знал, каково это – ждать возвращения любимых.

Себ никогда не понимал, почему Роуэн так низко ценит свою семью, почему бунтовала. Ее родители серьезно относились к работе, а у него с Калли сбежавшая ветреная мать и Пэтч. Обаятельный и веселый, но скорее друг, чем отец.

На родителей Роуэн всегда можно было положиться. Консервативные, уверенные в себе, надежные. Умные, серьезные, ответственные. Их сумасшедшая дочка жила на другой волне. Впрочем, Роуэн всегда жила на своей волне и с другими людьми не пересекалась. Себ гадал, что заставляло ее так поступать. Движение стоит, время надо убить, а тем для разговора нет. Он решил удовлетворить чрезмерное любопытство.

Они никогда не ходили вокруг да около, и Себ спросил в лоб:

– Я хочу знать, почему ты оказалась на мели. Знаю, ты считаешь себя вольной птицей, слишком крутой, чтобы собирать материальные ценности, но все-таки женщина в твоем возрасте должна иметь за душой больше сотни фунтов.

Роуэн понимала, что этим все кончится, и готовилась к нотациям. «Кейптаун» и «нравовучения» в ее понимании синонимы.

Она сжала губы и уставилась прямо перед собой. Себ, как обычно, идет напролом к тому, что он считает важным. Боже, она так устала бороться с его чрезмерно умным мозгом. И ошеломлена тем, что Себ заставил ее яичники танцевать танго. Что ответить, чтобы не выставить себя полной идиоткой? «Не усложняй, дурочка».

– Я собиралась заключить сделку. Мне должны были заплатить после того, как я доставлю заказ в Австралию.

– Что пыталась толкнуть?

Взгляд Себа потемнел и похолодел, лицо стало строже. Ну конечно, он не воспринял ее слова буквально, их ему недостаточно, и он уже предполагал самое худшее. Роуэн знала, о чем он думал.

«Ну вот опять, – подумала она. – Все сначала». Нахлынули воспоминания, ладони вспотели, дыхание сбилось. Даже спустя столько лет он инстинктивно выбирал наихудший сценарий. А ее родители решат... И еще все спрашивали, почему она не хочет возвращаться домой!

– Ничего незаконного, Себ!

– А я и не говорил такого.

– Я не идиотка и не преступница. Условности мне, может, и чужды, но я не глупа. Не распространяю, не храню и не употребляю наркотики. – Роуэн повысила голос, заставляя его понять это.

– Успокойся, Ро. К твоему сведению, я и первый раз считал, что тебя не надо арестовывать.

Слова Себа завертелись у нее в мозгу. Она нахмурилась.

– Считал? Почему?

– Ты, конечно, была испорченной, самовлюбленной и пустой, принимала ужасные решения, но глупой не была.

С этим не поспоришь. Себ признал, что она лучше, чем ее описывают. Почему-то это было приятно. Еще одна непонятная вещь сегодня.

Ее родители не разделяли его мнение, и она это знала.

– Но, Роуэн, твой образ жизни – безумие. Ты взрослая. Тебя не должны выдворять из стран. Большинство женщин в твоём возрасте уже строят карьеру, думают о браке, о детях.

«Пристрелите меня, – подумала Роуэн. – Или ткните горячей палкой в глаз». Именно поэтому она не хотела возвращаться домой. Выслушивать упреки семьи, друзей и Себа, кем бы он там ей ни был. Они всегда видели то, что хотели увидеть.

Глаза Роуэн вспыхнули, как молния в ночном небе.

– Что за глупости! Ты ничего обо мне не знаешь!

– И чья в том вина? Это ты сбежала так, словно совсем завралась.

– Я не сбегала! – Ясное дело, это ложь.

– Через несколько дней после выпускных экзаменов оказалась в самолете. Ни с кем не обсуждала свои планы. Это значит сбежать быстро и неожиданно. Что на самом деле случилось той ночью?

Роуэн вздернула подбородок:

– Не понимаю, о чем ты.

Себ ведь не мог знать, так? Или Калли ему рассказала? Нет, она поклялась молчать и ни за что не нарушила бы обещания. Себ, наверное, говорит о жизни Роуэн вообще.

Тот глупый, безумный вечер изменил ее жизнь. Она за несколько коротких часов свалилась с небес в ад.

– Прекрасно понимаешь. – Себ внимательно осмотрел дорогу впереди, увидел, что движение стоит, и вздохнул. – Что-то в тебе изменилось в ночь ареста. Бунтаркой ты была и до этого, но без злобы, язвительности и жуткого сарказма.

С ней обошлись как с бешеной собакой. Всего за одну ночь Роуэн из безумно влюбленной и невероятно счастливой превратилась в оскорбленную девушку с разбитым сердцем, которой никто не верит. Та ночь действительно изменила ее жизнь. Однако трудно признаться, что тебя лишили девственности, бросили и подставили, а потом арестовали, и все это за одну ночь. А выходные в тюрьме стали кошмаром эпических масштабов.

Разве удивительно, что Роуэн ассоциирует любовь с тюремными решетками?

– Ты никогда не была такой жесткой, Роуэн. – Себ тихо прервал ее размышления. – Те полгода ты постоянно боролась с родителями, со мной, со всем миром.

Роуэн крепче стиснула зубы. Каждый вечер она плакала и засыпала измученной, огорченной и униженной, каждое утро вставала для того, чтобы бороться в буквальном смысле за новый день.

– Может, я плакала потому, что родители, брат и мои близкие оставили меня на все выходные в тюрьме, хотя в пятницу в любое время могли внести залог. Вечеринка была в четверг!

– Родители хотели преподать тебе урок.

– Я его усвоила! И поняла, что полагаться могу только на себя и доверять только себе.

Когда она решилась снова взглянуть на Себа, в его взгляде сияла плохо скрываемая симпатия. А потом его лицо приняло удивленное выражение.

– И вот ты полагаешься на меня.

– Все хорошее когда-нибудь кончается.

Она устала от допросов. Уже давно ей не доводилось ни от кого выслушивать такое количество бреда.

– Так... – Роуэн сладко улыбнулась. – Не поймала тебя еще какая-нибудь золотоискательница?

В мгновение ока симпатию сменило раздражение.

– Не стоило посылать мне солнечные очки, услышав о моем разрыве. – Себ стиснул зубы.

– Знаю. Но я подумала, они тебе понадобятся, ведь ты наконец прозрел! На это ушло немало времени.

– Очень смешно.

– Все еще злишься, что взбалмошная чудачка Роуэн распознала настоящий характер твоей бывшей, а ты нет?

– Напомни, почему я не оставил тебя в Йоханнесбурге просить милостыню?

– Хотел надо мной поиздеваться. Ну что, может, хватит нам кусать друг друга?

– Пока да.

Транспорт тронулся. Роуэн наблюдала за тем, как Себ лавирует между медленно двигавшимися автомобилями, чтобы попасть в скоростной ряд.

– Неужели движение стало более напряженным?

Себ резко ударил по тормозам и чуть не въехал в грузовик. Побледнев, Роуэн выбросила вперед руку и уперлась в приборную панель:

– Себастьян! Будь ты проклят, идиот!

Он бросил на нее взгляд и переключил внимание на дорогу.

– В чем проблема?

– Проблема в том, что до бампера той машины оставалось всего несколько сантиметров! – Роуэн уронила руку. – Движение не стало более напряженным, это ты стал хуже водить!

Себ широко улыбнулся:

– Тебе не кажется, что наши отношения зашли еще не слишком далеко, чтобы мы пилили друг друга?

– Заткнись.

Себ включил поворотник и взглянул в зеркало заднего вида. Потом махнул рукой на седан впереди:

– Приготовься, сейчас обгоню. Вперед! Роуэн вздохнула и закатила глаза:

– Ну ты и придурок!

Он обошел еще один седан и перестроился сразу через два ряда, съезжая с шоссе. Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Какая ирония, в Пекине она переходила семиполосную дорогу, по которой гнали мотоциклы, преодолела сплошной поток тук-туков в Бангалоре и жуткое движение в Мехико, и все для того, чтобы умереть в роскошной машине в родной стране, попав во власть безумца.

Роуэн выпрямилась и огляделась. Они въехали в более дорогой район. Она узнавала места.

– Почти приехали.

– Ага, почти дома. И хотя ты не можешь произнести это слово, твой дом все равно здесь, Ро.

– Уже треть жизни это место мне не дом.

Вернувшись в Кейптаун без денег, она была напугана, паниковала, что не сможет постоять за себя. Страх подкатил к горлу.

Широкая ладонь Себа сдавила ей колено, Роуэн вздохнула. Когда показалось, что воздуха в легких достаточно, она взглянула на руку Себа, подняла брови и сдвинула их к переносице, увидев в его глазах блеск, явный знак мужской симпатии.

– А ты выросла, надоеда.

Сбитая с толку сексуальным возбуждением, охватившим обоих, Роуэн искала спасения в очевидном:

– Совсем не выросла. Точно такого же роста, как и в восемнадцать. И не называй меня надоедой. И убери руку с моего колена.

В уголках его глаз появились морщинки.

– Я хотел отвлечь тебя от того, из-за чего ты паниковала. Быть злой тебе всегда нравилось больше, чем испуганной.

Роуэн переложила его руку на рычаг переключения передач:

– Какие еще глупые заблуждения у тебя возникли, пока меня не было?

– В восемнадцать ты безобразно красилась, носила ужасную одежду и выходила за все рамки.

Она не хотела даже вникать в смысл этого комментария, просто показала ему зубы:

– Я по-прежнему выхожу за все рамки. Себ не обратил на это внимания.

– Поэтому ты до сих пор одинока в свои двадцать восемь? Или девять?... Сколько тебе лет?

– Достаточно много, чтобы сказать: мое семейное положение тебя не касается.

– «Семейное положение»? Ты что, рекламируешь «Фейсбук»? Тогда ты либо замужем, либо в отношениях, либо лесбиянка, либо одинока. Выбирай.

Роуэн возмущенно фыркнула:

– Лесбиянка? К твоему сведению, мне нравится то, что есть у мужчин. Но часто бесит то, к чему оно крепится.

– Значит, одинока, да?

– Я уже и забыла, какой занозой в заднице ты можешь быть, теперь начинаю вспоминать. – По крайней мере, перепалка не давала ей уснуть. – А как ты? Больше не было опасных ситуаций с посланниками сатаны?

Она надеялась, что упоминания о бывшей невесте будет достаточно, чтобы испортить ему настроение и отвлечь от ее личной жизни.

– Она тебе не нравилась. – Себ скривил губы. – Это просто неприязнь или что-то более личное? Роуэн подумала, что теперь не будет никакого вреда, если она расскажет.

– Она очень подло обходилась с Калли. Я серьезно. Нарочно очень подло. Глаза Себа сузились.

– Я думал, они отлично ладили.

– Она хотела, чтобы ты так думал. Та еще штучка. Она мне совсем не нравилась.

– Никогда бы об этом не догадался.

– Мой тонкий намек тебе ни о чем не сказал?

– Он был не очень понятным. А твои попытки сорвать вечеринку в честь нашей помолвки выглядели немного неуверенно.

– А что я такого сделала? Я ведь просто боялась, что ты всю оставшуюся жизнь будешь несчастным!

– Кроме того что налила рома в пунш? И покрасила воду в бассейне в зеленый, который совершенно не вписывался в блевотно-оранжевую цветовую гамму? И положила на каждую десертную тарелку по презервативу? Я ничего не упустил?

Роуэн уронила голову на подголовник:

– Ты обо всем знал?

– Я почти не сомневался в том, что это ты. Ладно, удиви меня. Что ты еще сделала?

– Ничего.

– Да ладно, признавайся. Что ж, теперь он ее уже не убьет.

– Я насыпала вам в кровать чесоточного порошка.

От его смеха захотелось танцевать. Несмотря на усталость, она заметила и шрам, рассевший его бровь, и длинные светлые ресницы. Боже, как же хотелось обвить Себа руками, свернуться клубочком у него на коленях и отключиться.

– Об этом я тоже знал.

Он говорил мягко, Роуэн было одновременно и тепло, и холодно, нервные окончания сходили с ума.

– К счастью, после вечеринки мы поссорились, и я решил переночевать в свободной комнате. А вот она потом чесалась много дней.

– Вот и хорошо. – Роуэн улыбнулась и подавила мощный зев. – Ты совершенно не умел выбирать женщин, Себ.

– Она была не так уж плоха. Если бы я тебя не знал, решил бы, что ты просто завистливая ведьма.

– Нет, не кури больше то, что ты там куришь.

Роуэн вздернула нос, будто завидовала той недоженщине. Себ, конечно, заноза в заднице, но ее заноза. Ну и Калли, естественно. Больше никому не позволялось обращаться с ним плохо. В особенности какой-то ленивой, глупой... О боже, старый дуб все еще у поворота! Вдалеке сквозь деревья Роуэн увидела красную кирпичную стену Авельфора.

– Не паникуй, дыши. Это всего лишь дом, Ро.

Его дом. А рядом ее старый дом. И жизнь, к которой не хотелось возвращаться. Она это переросла уже очень давно.

Себ свернул на подъездную дорожку и остановился у новых автоматических ворот. Пока они открывались, он смотрел на Роуэн серьезными синими глазами.

– Оставайся на три недели, проведи немного времени с родителями, потом я одолжу тебе денег на билет в любую точку мира.

– Зачем?

– Мне кажется, уже давно пора. Роуэн с сомнением покачала головой:

– И сколько я должна провести с ними? Себ, кажется, расстроился:

– Не знаю! Сделай усилие, встретись с ними, поужинай, поговори, и мы в расчете.

Предложение слишком заманчивое. Не идеал, конечно, но вполне четкий план действий. Если она сумеет собрать необходимую сумму, сможет улететь и раньше. Нет, так нельзя. Она уже здесь и должна увидеться с родителями. Жить рядом и даже не поздороваться – это жестоко, а она по натуре жестокой не была. Три недели. Что такое двадцать один день в масштабах мироздания?

«Двадцать дней здесь – слишком много», – нашептывал ее саркастический близнец.

– Я все тебе возмещу.

– Еще как возместишь! Ясмин в отпуске, и нам не хватает домработницы. Можешь приступить завтра. Походы в магазин, уборка, стирка, готовка. Ну ты знаешь, что делает Ясмин.

– С ума сошел? Я не буду для тебя работать по дому!

Не то чтобы она не умела, ей доводилось работать служанкой. Но убирать за Себом не собиралась.

– «Нам»? Ты сказал: «Нам не хватает домработницы»? Кто еще здесь живет? Если любовница, партнерша или девушка, лучше спать на пляже.

Себ подругил к элегантному дому.

– У Пэтча затруднения с нынешней девушкой, вот и вернулся.

Слава богу! Роуэн не была уверена, что уживется с Себом и с его «единственной».

– Значит, работа по дому взамен за кров и стол?

– Пожалуй, – неохотно согласилась Роуэн, думая, что прыгает из огня да... да на третий круг очень жаркого местечка.

Закинув ее багаж в старую комнату Калли, Себ наконец добрался до офиса, в который въехал Пэтч. Его команда состояла из настоящих трудоголиков и работала по гибкому графику, поэтому он привык видеть их в офисе в самое неожиданное время. Вот и на этот раз Карл, помощник и менеджер, еще не ушел, как и хакеры.

Себ выслушал его и прошел в так называемую комнату военных действий, огромное помещение без окон.

Его хакерам нужна вредная еда, тонны кофе и музыка. Лиши чего-нибудь, сразу все внимание переключится на тебя. Себ вышел в центр комнаты и быстро окинул взглядом длинный ряд экранов, на которых нескончаемым потоком бежал компьютерный код. Он прочитал его легко, словно это просто английский, и кивнул, не заметив проблем.

– Есть что-нибудь, о чем мне следует знать?

Он слушал рассказы сотрудников о проектах, по возможности дополнял. Он нанял этих троих и платил им по-королевски не просто так, они соблюдали этику, были умны и не имели себе равных. Словом, хороши почти так же, как и он сам.

Себ закончил совещание и ушел к себе в кабинет. Там тоже стояли компьютеры, пять штук, их мощности хватило бы на то, чтобы обслуживать большинство развивающихся стран.

Он бросил ключи от машины и мобильный на стол, подцепил ногой стул и подвинул его к любимому компьютеру. Возвращение уставшей от всего света Роуэн с потертым рюкзаком напомнило о матери. Ему стало интересно, где она приклонила голову. Раз или два в год Себ наводил справки о матери. С его навыками не составляло труда выяснить, где она, сколько у нее денег и что она собирается делать. Впервые он отследил ее в шестнадцать, обнаружив ее паспортные данные и личный номер в закодированном (ха-ха!) списке на компьютере отца.

Себ запустил программу, которую написал специально для того, чтобы следить за матерью. Через несколько минут узнал, что она перебралась из Перу в Бразилию, немного покружила по стране, теперь в Сальвадоре, и денег у нее совсем немного.

Привычная волна злости и возмущения накрыла Себа, он, спросив себя, не дурак ли, после всего того, что мать с ним сделала, перевел ей на счет тысячу долларов, которые невозможно отследить. Для него это незначительная сумма. Он знал, что не уснет, если не сделает этого.

Роуэн примерно в таком же положении. Себ гадал, как она к этому пришла. Он задумчиво посмотрел на экран, понимая, как в несколько кликов может выяснить, что заставило ее вернуться домой. Номер паспорта, банковские данные, все, что нужно, есть. Он мог бы, вписав строчку кода в программу, отследить перемещения Роуэн, узнать обо всех покупках, оплаченных кредитными и дебетовыми картами. Это очень просто.

Раз или два в год, когда ее родители долго ничего о ней не знали и отец просил поискать, Себ изучил информацию, рассказал, что Роуэн в Лондоне или в Перте, у нее, похоже, хватало денег. Она много зарабатывала и много тратила, но всегда оставляла достаточно сбережений. Интересно, почему на этот раз этого не сделала?

Себ уронил руки на колени и поборол искушение. Он мог бы это узнать, но не стал, несмотря на любопытство. Не имел права вторгаться в ее личную жизнь. Она больше не ребенок.

И стала красавицей, как все и ожидали. Глаза цвета ночи, непослушные волосы, нежная-нежная кожа и женственное тело. Почувствовав, как натягивается молния на брюках, Себ откинулся на спинку стула и уставился в окно, выходившее на бассейн. Он хотел ее. И не менее

сильно не хотел хотеть. Она объединяла в себе все, чего он избегал в противоположном поле, сложная, открытая, общительная. Свободная, прямолинейная.

Почему он просто не дал ей денег и не отпустил? Тогда бы не сидел тут сложа руки, гадая, спит она голой или нет.

Какой же он все-таки придурок!

– Грей, мне очень жаль.

Себ стоял, привалившись плечом к косяку, в дверях кухни с глянцевыми шкафами, черным гранитом и черно-белым полом в шахматную клетку. Дизайн выбирала Ясмин. Себ с удовольствием выписал чек на довольно внушительную сумму. Светлая кухня была оснащена современной техникой, повсюду драгоценные папоротники и африканские фиалки Ясмин.

Он улыбнулся. Вот еще одно дело, которое можно добавить в разрастающийся список домашних обязанностей Роуэн. Уход за растениями.

– Грейсон, сделай глубокий вдох. Есть обезьяна, тигр с тигрятами, кальмар, тюлень и лошадь. Это основное. И хотэй.

Что, черт побери, задумала Роуэн? Перебирая варианты, Себ направился к кофе-машине.

– Почти наверняка хотэй очень редкий. В нем есть класс, мастерство, которое нельзя игнорировать.

Роуэн кивнула, когда он предложил кофе.

– Телефон у меня снова заряжен, сейчас отправлю тебе пару фотографий на электронную почту. Взгляни и скажи, что думаешь. Да, я знаю, ты ничего не купишь, пока не взглянешь.

Пробормотав пару успокаивающих фраз в телефон, Роуэн закончила разговор, тут же отправила фотографии и положила мобильник на кухонный стол.

– Я знаю, ты ничего не купишь, пока сам это не увидишь. Я с тобой уже десять лет работаю, придурок.

Себ протянул ей чашку кофе, она приняла ее с энтузиазмом настоящего кофемана:

– Спасибо. Чтобы разобраться с твоей кофе-машиной, нужно иметь степень магистра.

Прислонившись к столу, Себ отметил, что Роуэн выглядит значительно лучше, чем накануне. Вот что может сделать ночь крепкого сна. Под глазами остались едва заметные синие круги, но к щекам вернулся цвет. Ночью Себ пару раз заглядывал к ней и обнаружил, что она, к несчастью, не раздевается догола перед сном, немного похрапывает и любит спать на животе.

– Пытаешься продать зоопарк? – Себ оглядел ее длинные ноги. На ней были простые джинсовые шорты и рубашка на пуговицах. Чистые волосы собраны в свободную косу. Никакого макияжа, только блеск на губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.